

Джозеф Шеридан Ле Фаню Участь сэра Роберта Ардаха

«Глаза мертвецов: Антология ирландских рассказов о призраках»: Азбука-классика;
Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-91181-809-8

Аннотация

Сэр Роберт Ардах уединенно живет в своем замке и появляется на людях только раз в год, в сезон скачек, делая крупные ставки и неизменно выигрывая. Поговаривают, что сэр Роберт заключил сделку с дьяволом. Приходит время платить по счетам.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Участь сэра Роберта Ардаха

На юге Ирландии, на окраине графства Лимерик, есть местность, простирающаяся на две-три мили и весьма любопытная тем, что это одна из немногих областей в стране, где еще сохранились остатки девственных лесов. Они мало или даже вовсе не напоминают величественные леса Америки, ибо самые старые царственные деревья давно пали под топором дровосека. Но густой лес по-прежнему сохранил особые и пленительные черты дикой природы: непролазные чащи, просеки, в которых взору наблюдателя открываются стада мирно пасущихся коров, приветные долины, где серые валуны виднеются под колеблемыми ветром лопастями папоротника, серебристые стволы старых берез и узловатые — вековых дубов, причудливо переплетающиеся, но изящные ветви, листья которых никогда не касались садовые ножницы, мягкие зеленые лужайки, перемежающиеся пятна света и тени, густая высокая трава, лишайник и мох. Все это прекрасно и весной, в пору свежей зелени, и осенью, в печальные дни увядания. Красота этих лесов такова, что наполняет сердце радостью — вызывая к чувствам так, как умеет только природа. Этот лес простирается от основания вплоть до гребня длинной гряды зубчатых холмов, которые в доисторические времена, возможно, отмечали всего лишь опушку гигантского лесного массива, занимавшего всю гладкую равнину внизу. Но сейчас — увы! Куда мы идем? Куда привело нас развитие цивилизации? Оно обрушилось, точно ураган, на страну, совершенно к

нему не подготовленную, и оставило после себя пустыню. Мы утратили наши прекрасные леса, ставшие жертвой хищных стяжателей. Мы разрушили все живописное и поэтичное, сохранив все, что свойственно грубым варварам.

Этот лес прорезан глубокой ложиной, или долиной, где тишину нарушает журчание горной речки, зимой превращающейся в бурный и опасный поток. В одном месте долина резко уходит в глубину и чрезвычайно сужается; ее склоны почти отвесно возвышаются над дном, достигая нескольких сотен футов. Лесные деревья, укоренившиеся в щелях и впадинах скалы, настолько свились и переплелись, что из-за их крон почти не различить реки, которая бурлит, несется по камням и пенится, словно наслаждаясь царящей вокруг тишиной и одиночеством.

Это место когда-то было с умыслом выбрано как важный стратегический пункт для возведения мощной и величественной квадратной башни, или твердыни, одна стена которой служит своеобразным продолжением отвесного утеса, где она возведена. Изначально проникнуть в замок можно было только сквозь узкие воротца в той самой стене, что возвышается над пропастью. Воротца выходили на уступ, по которому пролегла узенькая тропка, предусмотрительно пересеченная глубокой канавой, с великим трудом вырытой в скале, поэтому в древние времена, до того как войны стали вестись с применением артиллерии, крепость по праву могла считаться неприступной.

Однако смягчение нравов в последующие, не столь воинственные времена заставило ее хозяев задуматься если не об украшении, то по крайней мере о ее расширении, и в середине восемнадцатого века, при последних владельцах замка, квадратная башня составляла лишь одну из множества построек за замковыми стенами.

И замок, и обширные угодья вокруг с незапамятных времен принадлежали семейству, которое для ясности мы назовем Ардах. С этими землями связано множество слухов и таинственных историй, они, подобно многим овечьим легендами местам Ирландии, неоднократно становились свидетелями и жестокости феодального правления, и старинного варварского гостеприимства, и потому впоследствии о них стали слагать самые фантастические и необычайные предания. Такое предание поведал мне очевидец загадочных событий, о которых в нем рассказывается. Я точно знаю, что связано оно с одним из представителей семейства Ардах, однако мне трудно решить, насколько эти события исказила склонная к вымыслу и небылицам атмосфера легенд и какой отпечаток могла наложить на них ужасающая смутная неопределенность, словно пеленой обволакивающая реальность.

Согласно этому преданию, сэр Роберт Ардах, молодой человек, последний отпрыск рода, в конце восемнадцатого века отправился за границу служить в армиях иностранных держав, а впоследствии, снискав почести и получив немалое вознаграждение, поселился в замке Ардах, том самом, который мы только что попытались описать. Нравом он был, как говорят крестьяне, «пасмурный», иными словами, полагали его мрачным, хмурым и вспыльчивым, и, судя по тому, что жил он в совершенном одиночестве, с другими членами семьи не ладил.

Своему уединенному образу жизни он изменял лишь раз в году, когда устраивались, а потом бурно обсуждались очередные скачки. В сезон скачек его можно было встретить среди самых азартных игроков — он хладнокровно и неспешно делал крупные ставки и неизменно выигрывал. Однако сэра Роберта слишком хорошо знали как человека чести и благородного происхождения, чтобы заподозрить в обмане. Более того, он слыл бесстрашным солдатом и надменным гордецом, и потому никто не рисковал произнести вслух свои сомнения, за которые, возможно, сам бы и поплатился, не нанеся никакого ущерба доброму имени сэра Роберта.

И все же без слухов не обошлось. Все заметили, что сэр Роберт всегда появляется на ристалище, в единственном публичном месте, которое он удостоивал своим вниманием, в сопровождении некоего весьма странного человека, никогда нигде не показывавшегося, кроме как на скачках. Нетрудно было также заметить, что только с этим человеком, которого

связывали с ним загадочные отношения, и ни с кем иным, сэр Роберт без крайней надобности вступает в беседу. Все могли наблюдать, что хотя он избегает соседей-помещиков, лишь по необходимости обсуждая с ними свои ставки на скачках, с незнакомцем разговаривает подолгу, часто и серьезно. Предание утверждает, что любопытство праздных зевак, вызванное непонятным и исключительным предпочтением, которое оказывал незнакомцу сэр Роберт, подогревалось еще и поразительными и отталкивающими особенностями его облика и платья, — впрочем, предание умалчивает о том, в чем именно они заключались. Однако этого, вкупе с уединенным образом жизни сэра Роберта и его удачными ставками, делавшимися, вероятно, по наущению незнакомца, было достаточно, чтобы досужие болтуны объявили, что тут дело *нечисто*, и заключили, что сэр Роберт затеял рискованную и опасную игру, а его таинственный спутник немногим лучше самого князя тьмы.

Тихой чередой шли годы, уклад жизни в замке Ардах не менялся, вот только сэр Роберт расстался со своим загадочным спутником, но если никто не знал, откуда он взялся, то никто не мог сказать также, куда он исчез. Обычай сэра Роберта, однако, не претерпели изменений: он по-прежнему регулярно приходил на бега, по-прежнему не принимал участия в шумных развлечениях и дружеских пирушках соседей-помещиков и все так же уединялся у себя в замке тотчас по окончании сезона скачек.

Ходили слухи, будто в его руках скопились несметные богатства, а поскольку он всегда делал крупные ставки и всегда выигрывал, то многие верили молве. Впрочем, и разбогатев, сэр Роберт продолжал вести замкнутый и суровый образ жизни: он не покупал земли, не радел о расширении поместья и, судя по всему, наслаждался своими сокровищами, как скупец, с трепетом прикасающийся к золоту, со страстью пересчитывающий монеты и радующийся самому сознанию своего богатства.

Однако нрав сэра Роберта за эти годы отнюдь не улучшился, напротив, он стал еще более мрачен и угрюм. Бывало, он предавался черной меланхолии с отчаянным самозабвением, которое граничило с безумием. Во время этих приступов умоисступления он не ел, не пил и не спал. В таких случаях он совершенно уединялся от мира, не допуская к себе даже доверенных слуг. Впрочем, те часто слышали его голос, доносившийся из закрытого покоя, — он то горячо умолял о чем-то, то громко и яростно бранился с каким-то неведомым пришельцем. Иногда он часами без устали, размахивая руками, с искаженным лицом метался по длинному, отделанному дубовыми панелями залу, по большей части служившему ему кабинетом и спальней, словно человек в состоянии необычайного возбуждения, только что внезапно получивший какое-то ужасное известие.

Подобные приступы явного безумия производили столь страшное впечатление, что даже самые старые и преданные слуги не решались в это время приблизиться к сэру Роберту. Поэтому в часы своих мук он всегда оставался в одиночестве, и причинам его страданий, судя по всему, суждено было навеки остаться тайной.

Однажды припадок умоисступления необычайно затянулся и длился не около двух дней, как это случалось прежде, а значительно дольше. Потому старый слуга, обыкновенно прислуживавший сэру Роберту после приступов этого наказания Господня и на сей раз тщетно ожидавший, когда же раздастся знакомый звон колокольчика, не на шутку встревожился. Он опасался, как бы его хозяин не умер от крайнего истощения или не покончил с собой в состоянии помрачения рассудка. Наконец страх настолько овладел им, что он, отчаявшись уговорить других слуг сопровождать его, решил в одиночестве направиться в замковую башню и посмотреть, что же случилось с сэром Робертом.

Оставив позади несколько коридоров, соединявших новые части замка со старыми постройками, и в конце концов оказавшись в холле, он внезапно почувствовал, сколь тягостное безмолвие царит в замке (дело было глухой ночью), с предельной ясностью осознал рискованный характер предприятия, в которое он вмешался по собственной воле, ощутил совершенное свое одиночество и удаленность от людей и, самое главное, испытал смутное, но несомненное дурное предчувствие. Его охватил столь неодолимый страх, что он

не мог заставить себя двинуться дальше. Однако непритворная тревога о судьбе хозяина, к которому за долгие годы службы он стал питать привязанность, какую нередко вызывает давняя привычка к обществу даже самых отталкивающих людей, и тайное нежелание выставить слабость господина на посмеище перед остальными слугами как-то помогли ему превозмочь страх. Но не успел он поставить ногу на нижнюю ступеньку лестницы, которая вела в покои сэра Роберта, как его внимание привлек негромкий, но отчетливый стук в дверь холла. Возможно, не слишком сожалея о том, что нашелся повод отложить исполнение столь рискованного замысла, он поставил свечу на камень, лежавший в зале, и подкрался к двери, гадая, точно ли кто-то постучал, или это ему только послышалось. Он испытывал вполне оправданные сомнения, поскольку уже полвека вход через холл был закрыт. К тому же из-за расположения ворот, которые, как мы уже упоминали прежде, выходили на узкий уступ, обрывавшийся в пропасть, этот путь в замок в любое время суток, но особенно ночью, превращался в едва ли не самоубийственную затею. Отлого спускавшийся утес, по которому только и можно было подобраться к двери, перерезала глубокая канава, наподобие рва, а мостки над нею давным-давно исчезли — то ли сгнили от времени, то ли пропали по какой-то иной причине. Поэтому слуге представлялось по меньшей мере маловероятным, чтобы кто-нибудь благополучно достиг этим путем главного входа, особенно в такую ночь, как эта, когда безраздельно царила тьма. Старик, однако, внимательно прислушался, не повторится ли стук. Долго ждать ему не пришлось. Вскоре раздался тот же стук — негромкий, но отчетливый. Он был столь тихим, что казалось, будто стучат костяшками пальцев, и все же, несмотря на чудовищную толщину старинной двери, стучали сильно, ведь каждый звук четко доносился до слуха старого слуги.

Наконец постучали в третий раз, все так же тихо, и старик, повинувшись безотчетному порыву, который он до конца дней своих не мог себе объяснить, медленно отодвинул один за другим три тяжелых дубовых засова, запиравшие дверь. Время и влага настолько источили сталь замка, что он открылся без сопротивления. Дверь легко отворилась — как показалось слуге, не без напора извне, — и в зал шагнул низкорослый, приземистый человек, закутанный в широкий черный плащ. Слуга с трудом сумел рассмотреть незнакомца: на нем было платье иноземного покроя, полу плаща он закинул на одно плечо, его лицо скрывала большая широкополая шляпа, из-под которой ниспадали длинные, черные как вороново крыло волосы. Незнакомец носил грубые сапоги для верховой езды. Более слуга ничего не успел разглядеть в неверном свете свечи. Незнакомец потребовал, чтобы он доложил хозяину, что, как было условлено, прибыл его друг обсудить некоторые дела, касающиеся их обоих. Слуга было замешкался, однако гость сделал едва заметное движение, словно желая отобрать свечу, и тому ничего не оставалось, как подняться по лестнице в покои господина, а незнакомец стал ждать в холле.

Добравшись до комнаты, смежной с дубовым покоем, слуга, к своему удивлению, обнаружил, что дверь в него приоткрыта, а внутри горит свет. Он остановился и подождал, но из дубового покоя не доносилось ни звука. Он заглянул в щель и увидел сэра Роберта, упавшего головой на стол, где стояли две зажженные свечи. Он вытянул руки перед собой и не шевелился. Казалось, будто, сидя за столом, он бессильно уронил голову — или бездыханный, или лишившийся чувств. Слуга не расслышал его дыхания; в комнате раздавалось лишь громкое тиканье часов, лежащих возле свечей. Слуга несколько раз кашлянул, но не сумел разбудить сэра Роберта. Не сомневаясь более в том, что господин его мертв, он осторожно подошел поближе к столу, на котором лежал его хозяин, чтобы удостовериться в его смерти, но тут сэр Роберт медленно приподнял голову и, откинувшись на стуле, вперил в него остановившийся безумный взор. Наконец с трудом, точно каждое слово давалось ему мучительно, боясь услышать ответ, он произнес:

— Во имя Господа, зачем ты здесь?

— Сэр, — ответил слуга, — там внизу какой-то господин, он желает говорить с вами.

Услышав это известие, сэр Роберт вскочил и, в неистовстве воздев руки, издал крик, исполненный столь неизбывного, отчаянного ужаса, что казалось, его не в силах вынести

человеческое ухо. И еще долго после того, как крик его затих, пораженному ужасом слуге чудилось, будто эхо в пустых залах замка откликается на этот вопль раскатами адского хохота. Спустя несколько мгновений сэра Роберт вымолвил:

— Неужели ты не можешь его отослать? Почему он пришел так скоро? О Господь милосердный! Пусть он подождет хотя бы час, хоть немного... Я не могу встретиться с ним теперь, отошли его, прошу тебя, попробуй... Ты же видишь, я не могу сейчас к нему спуститься, у меня сил нет... О Боже мой, Боже мой! Пусть возвращается через час, долго ждать я его не заставлю. Он ведь ничего не потеряет, ничего, ничего, ничего. Скажи ему! Скажи ему что хочешь, умоляю, хоть что-нибудь!

Слуга возвратился к незнакомцу. По его собственным словам, он ног под собой не чувал, пока брел в холл. Незнакомец стоял там, где он его оставил. Слуга сбивчиво и бессвязно передал послание своего господина. На это незнакомец ответил небрежным тоном:

— Что ж, если сэра Роберт не хочет спуститься, я сам поднимаюсь к нему.

Слуга вернулся в дубовый покой и, к своему немалому удивлению, обнаружил, что его господин несколько овладел собой. Он выслушал ответ незнакомца, и, хотя капли холодного пота выступали на лбу у него быстрее, чем он успевал их отирать, его необычайное возбуждение заметно улеглось. Он неуверенно поднялся, бросил последний страдальческий взгляд на слугу и, пошатываясь, направился в смежную комнату, жестом запретив слуге следовать за ним. Слуга осторожно выбрался затем на верхнюю ступеньку лестницы, откуда можно было неплохо разглядеть холл, слабо освещенный свечой, которую он там оставил.

Он увидел, как его хозяин, хватаясь за перила, не спускается, а скорее падает с лестницы. Затем он, едва держась на ногах, пошел навстречу гостю. Незнакомец двинулся к нему и, проходя мимо, задул свечу. Более слуга ничего не сумел различить, однако до него донеслись звуки борьбы, то затихавшей, то снова разгоравшейся с безмолвным и страшным ожесточением. Однако слуга понял, что борющиеся приблизились к двери, так как несколько раз слышались удары по тяжелому дубу — о него, вероятно, задевали ноги противников, когда один с трудом теснил другого к выходу. Спустя несколько минут он услышал, как дверь распахнулась с такой силой, что ее створка, кажется, ударилась о стену холла, — в кромешном мраке ничего нельзя было разглядеть, и лишь по звуку можно было догадаться, что происходит. Борьба возобновилась и, судя по вырывавшимся у противников глубоким вздохам, шла не на жизнь, а на смерть. За чьей-то отчаянной попыткой удержаться, закончившейся тем, что часть двери разнесли в щепки, последовала новая схватка, очевидно вывернувшая дверной косяк. После этого противники, судя по звуку, выкатились на узкий уступ скалы над самой бездной и вновь вступили там в борьбу. Вскоре послышался шум падения, словно чье-то тяжелое тело обрушилось в пропасть и стремительно летело вниз, ломая тонкие ветки, скрывающие чудовищное жерло бездны. Затем все стихло, шум сменился безмолвием могилы, нарушаемым лишь стенанием ветра в лесной долине.

Старый слуга не решился вернуться в замок через холл, и ему чудилось, что бесконечный мрак будет царить вечно, но и он в конце концов под утро рассеялся, и тогда открылись события прошлой ночи. Возле двери, на земле, лежала португеза сэра Роберта, оборванная в яростной схватке. Огромный кусок дерева был вырван из дверного косяка каким-то сверхчеловеческим усилием, свидетельствующим о решимости и силе отчаяния, а на утесе виднелись следы упирающихся и оскальзывающихся ног.

На дне пропасти, не под стенами замка, а в некотором отдалении от него, были найдены останки сэра Роберта, обезображенные до неузнаваемости. Однако правая его рука не пострадала, и окостенелые пальцы ее сжимали последней мертвой хваткой длинную прядь черных как вороново крыло волос — единственное материальное свидетельство загадочного и зловещего визита.